

Сказание о преподобном Феодоре князе Острожском

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С42

С42 Сказание о преподобном Феодоре князе Острожском / – М.: Книга по Требо-
ванию, 2012. – 39 с.

ISBN 978-5-458-16650-8

Составлено по изысканиям Гильфердинга, Зубрицкого, Хойнацкого, Палац-
кого, Максимовича.

ISBN 978-5-458-16650-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

разорили сперва весь южный край Руси и сожгли Кіевъ; а русскіе все таки не всѣ соединились, чтобъ дать отпоръ. Черезъ 14 лѣтъ татары напали на сѣверное царство Россіи; жгли, мучили, полонили князей во Владимірѣ, въ Нижнемѣ, въ Твери, и завладѣли такимъ образомъ всей Русью.—Князья удѣльные все воевали между собой, а сверхъ того было тогда двое великихъ князей (старшихъ), изъ которыхъ каждый считалъ себя государемъ всей Россіи,—одинъ въ Кіевѣ, другой во Владимірѣ, а потомъ въ Москвѣ.

Сѣверные русскіе смирились передъ Божьимъ гнѣвомъ, и поняли, что это наказаніе за ихъ междоусобіе. Московскіе князья стали стараться лишь объ одномъ: *собрать всѣ удѣлы въ одно цѣлое, такъ сказать сплотить Россію, и тогда дать отпоръ врагамъ*; а покуда платили дань татарамъ и выносили, какъ говорится, на своихъ плечахъ всю тяготу и стыдъ и униженіе этого нга монгольскаго, лишь бы соединить силы всей Россіи, терпя и смиряясь до поры до времени. Главою этого труднаго дѣла стали московскіе великіе князья, *особенно совѣтами и молитвами святыхъ іерарховъ и пустынниковъ сѣверныхъ странъ—св. Петра, св. Алексія, преп. Сергія, св. Стефана, св. Кипріяна, св. Фотія, и многихъ другихъ святителей и иноковъ преподобныхъ*; такъ что можно сказать на молитвѣ и постныхъ подвигахъ основалось московское царство, и черезъ полтора столѣтія неустанной борьбы, сѣверная Русь стала дышать свободнѣе, и удалось наконецъ одинъ разъ, всѣмъ вмѣстѣ, общими силами, разбить татарскіе полки на Куликовомъ полѣ.

Но кіевскій великій князь и всѣ удѣльные, которые держались Кіева, не хотѣли идти на помощь Дмитрію Донскому. Одинъ только изъ мелкихъ князей Волыни, Дмитрій Михайловичъ Бобрюкъ, родственникъ московскаго князя, которому онъ и служилъ, былъ съ нимъ въ куликовской битвѣ, и даже по его совѣту князь Владиміръ Андреевичъ серпуховскій ударилъ изъ засады на татаръ, и рѣшилъ побѣду. Но вообще южная или кіевская Русь не смирялась и не прекращала своихъ междоусобій, и думала другимъ путемъ спастись. А вотъ какимъ:

Около того времени, когда изъ Азіи нахлынули татары, съ европейской стороны стали дѣлать набѣги другіе дикіе язычники: литовцы. Это было особенное, небольшое племя, которое до тѣхъ поръ жило въ дремучихъ непроходимыхъ лѣсахъ около Пскова и Витебска. Занятые своими междоусобіями, русскіе не обращали на нихъ вниманія, пока не случился у нихъ храбрый и предпріимчивый начальникъ, Гедиминъ. Онъ, и сынъ его Ольгердъ, и племянникъ Витовтъ, напали на русскихъ и стали отнимать у нихъ одно княжество за другимъ.

Впрочемъ ихъ тоже раздавали они *своимъ* удѣльнымъ князьямъ, которые выучивались по русски, крестились въ православную вѣру, женились на русскихъ княжнахъ и дѣлались совершенно русскими; только та была бѣда, что все больше и больше размножались удѣлы и дробилась власть, да знаменитѣйшій ихъ князь, Ольгердъ, захотѣлъ быть *великимъ княземъ всѣхъ князей своего рода*, (т. е. родственниковъ), съ властью надъ всѣми удѣлами, которые имъ доставались по ихъ женамъ или матерямъ, и *присоединялъ ихъ къ великому княжеству литовскому*.

Кіевскіе русскіе, для усиленія себя противъ татаръ, придумали взойти въ союзъ съ Литвою и даже признали Ольгерда за своего великаго князя. Кажется, было бы лучше и естественнѣе примкнуть къ сѣверной Руси и требовать, чтобы родственники Ольгерда, наслѣдовавъ *русскія* княжества, признавали бы московскаго великаго князя своимъ государемъ. Но ненависть кіевскихъ князей къ московскому и гордость ихъ не допустили до этого добраго дѣла. Литовцы казались имъ малочисленнымъ народомъ, полудикимъ, съ которымъ легче справиться. Они составили съ ними союзъ, какъ *равные съ равными и вольные съ вольными*.

Но вышло не такъ. Господь Богъ не благословляетъ того, что дѣлается изъ гордости и ненависти, и какъ ни кажутся иногда люди ловки и счастливы, Онъ ихъ найдетъ въ свое время и накажетъ. Мы это видимъ въ исторіи всѣхъ народовъ и въ нашей исторіи особенно ясно.

Литовцы, какъ мы знаемъ, были тогда еще большею частію язычниками, хотя многіе князья ихъ уже крестились

въ православіе. Подѣли ихъ, на другую сторону Нѣмана и на Вислѣ, и на границѣ Волини и Галичины, по ту сторону рѣки Сана, жили поляки. Они были славяне и приняли сперва крещеніе отъ св. Кирилла и Меѳодія, или отъ ихъ учениковъ; такъ что могли бѣ кажется съ нами ужиться. Но у нихъ тоже были удѣлы и ихъ короли, или *крули*, ссорились то съ князьями, то съ народомъ и хотѣли поживиться на счетъ Россіи. Особенно эта рознь пошла отъ круля Мечислава. Онъ крестился сперва въ православіе и женился на княжнѣ чешской Дубровѣ, тоже православной, ибо Чехія и Моравія, гдѣ такъ долго учили и управляли Церковью св. Кириллъ и Меѳодій, составляли въ то время одно царство; къ несчастію Мечеславъ овдовѣлъ и женился, вторымъ бракомъ, на нѣмецкой принцессѣ Одѣ, которая держалась римскаго раскола. Съ ней пріѣхалъ нѣмецкій епископъ и уговорилъ круля уничтожить книги св. Кирилла и Меѳодія и славянское богослуженіе, и принять латинскую вѣру для себя и для своего народа. Скоро стали ксендзы и латинствующіе монахи направлять польскихъ крулей противъ Россіи, и началась упрямая, злая борьба между нами, и продолжалась многія и многія столѣтія. Особенно же она была кровавая, злостная и упорная, когда великій князь литовскій, Ягайло, женился на королевѣ польской и хотѣлъ присоединить Литву съ Русью къ Польшѣ, предоставляя ксендзамъ волю совращать въ латинство всякими соблазнами и муками литовскихъ людей.

СКАЗАНИЕ О СВ. ѲЕОДОРѢ.

Въ то время, когда приходилось такъ жутко на Волини отъ поляковъ, что иногда русскіе призывали на помощь и въ союзъ даже крымскихъ татаръ, княжилъ въ г. Острогѣ князь Даниилъ Дмитріевичъ. Былъ онъ уменъ, храбръ, благочестивъ и, вмѣстѣ съ княгиней своею Василиссой, много заботился о храмахъ Божіихъ, объ украшеніи и благоустройствѣ ихъ, объ обезпеченіи причта, словомъ о всемъ, что могло быть полезно и нужно для православныхъ русскихъ

людей. Была тогда въ Острогѣ церковь св. Николая чудотворца, которую многіе и теперь должны помнить, потому что ее не очень давно разобрали за ветхостію и за неимѣніемъ средствъ поддержать ее; а эту церковь особенно любили и записали за ней земли и доходы князь Данилъ и его княгиня Василисса. Не менѣе усердно заботились они о воспитаніи своихъ дѣтей въ страхѣ Господнемъ и въ любви къ Россіи, поминая, что они потомки св. княгини Ольги и св. великаго князя Владиміра, просвѣтившихъ и крестившихъ Русь. Сыновей у князя Данила было трое: Теодоръ, Алексѣй и Андрей.

Всѣ они были храбрые и умные и послушные, по старшій Теодоръ всѣхъ больше радовалъ сердце отца и матери. Статный ростъ, прекрасное лицо, богатырская сила, ловкость во всѣхъ играхъ и военныхъ упражненіяхъ были какбы принадлежностію его царскаго рода и предвзвѣщали ему славу военачальника; а вмѣстѣ съ тѣмъ кротость и любовь христіанская такъ и свѣтили и сіяли въ немъ съ самаго дѣтства, и болѣе всего радовали благочестивыхъ родителей.

Князь Данилъ славился военною доблестію; онъ разбилъ и выгналъ сильную рать подъ начальствомъ самаго короля польскаго Казимира великаго, который хотѣлъ завоевать Волинскую землю. Это была первая (въ 1343 г.) попытка поляковъ завладѣть Подоліею и Волиною, и съ тѣхъ поръ эти нашествія безпрестанно повторялись и приходилось князьямъ Острожскимъ все воевать, изъ рода въ родъ, и отстаивать Волинь отъ непріятеля, пока хватало силъ у русскихъ постоять за себя.

Наконѣцъ чрезъ 200 лѣтъ борьбы и войны, удалось полякамъ силою и измѣною овладѣть нашимъ краемъ, и тогда приняли латинство богатые и знатные роды Четвертинскихъ, Чарторыжскихъ, Сангушекъ и много, много другихъ, и стали даже называться поляками. Но народъ, крестьяне, остались вѣрными родинѣ, остались русскими и большею частію православными, и выдержали до конца, такъ что можно сказать, послѣ князей Острожскихъ, духовенство и крестьяне отстаивали Волинь, потому что когда Екатерина великая возвратила этотъ край Россіи, отнявъ его обратно

отъ Польши, то край все таки былъ *русскій* по жителямъ своимъ. Крестьяне даже тѣ, которые считались уніатами, стали просить о возвращеніи въ православную Церковь, а при Государѣ Николаѣ Павловичѣ уже всѣ уніаты присоединились, и теперь у насъ, слава Богу, едино стадо и единъ Пастырь для всѣхъ насъ: Иисусъ Христосъ!—Нынѣ Государь Александръ Николаевичъ даровалъ волю крѣпостнымъ людямъ, такъ что теперь и отъ пановъ католиковъ не зависятъ крестьяне, а живутъ на собственныхъ земляхъ.

Вотъ долготерпѣніемъ и молитвою, и твердою вѣрою, дошли мы, въ наши дни, до цѣли, за которую страдали и сражались цѣлыя сотни лѣтъ князя Острожскіе и другіе святые люди и сильные воины. Почти всегда бываетъ такъ, что отстоять ли, возвратить ли землю или положеніе, которое враги хотятъ отнять, всего лучше и вѣрнѣе терпѣніемъ и твердостью, молитвою къ Богу и постояннымъ стараніемъ заслужить у Него спасеніе отъ бѣдъ.—Да поможетъ намъ Онъ, Господь, и теперь заслужить благословеніе Его и доказать нашу благодарность Царю, своею преданностью Ему и вѣрностью нашей Церкви, во благо и спасеніе Россіи!

Но во время князя Даніила не такъ было; а приходилось съ оружіемъ въ рукахъ противиться захватамъ враговъ; онъ потому и старался усиливать и укрѣплять свой замѣкъ или *крѣпость*; поэтому и называется городъ *Острогъ*. Князь Даніилъ вызывалъ мастеровъ самыхъ лучшихъ изъ-за границы: архитекторовъ, живописцевъ и другихъ ученыхъ людей, и они начали строить при немъ эти башни, которыхъ развалины мы видимъ до сихъ поръ. У этихъ ученыхъ наслышался и наглядѣлся многому молодой князь Θεодоръ; онъ любилъ учиться и любилъ узнавать, что и какъ дѣлается въ другихъ земляхъ, но все таки онъ свое любилъ больше, и только старался придумать, какъ приложить въ пользу Россіи и своего любезнаго княжества на Волыни все, что было хорошаго у другихъ, однако не брезгая своимъ роднымъ, не перемѣняя и не истребляя, что хорошо у насъ.—Такъ выросталъ въ силѣ и красотѣ, въ разумѣ и въ добродѣтели, отрокъ Θεодоръ—на радость и утѣшеніе своихъ родителей и волынскаго народа. Въ 1386 году послѣ смерти

отца наследовалъ онъ княжество острожское, корецкое и заславское съ имѣніями Бродовъ, Родосіолки, Родогощи, Межирѣчя, Дяковъ, Свищевъ, Городничъ.

Продолжалъ онъ укрѣплять и украшать свой городъ Острогъ по рисункамъ и подъ руководствомъ тѣхъ искусныхъ мастеровъ, которые работали у его отца князя Данила; знали сосѣди за границей, что иностранцамъ, честнымъ и добрымъ, былъ радушный пріемъ въ Острогѣ. Вотъ, около этого времени стали приходить странники, особеннаго рода, люди умные и ученые, люди благочестивые, усердные въ молитвѣ, но перусскіе богомольцы. Это были проповѣдники чехи, изъ недалекой Богеміи, или Чехіи, которая съ Моравіей составляла долго одно царство.

Въ Моравіи, мы знаемъ, что св. Меѳодій былъ многія лѣта архіепископомъ, и что крестился у него чешскій князь Боривой съ своей княгинею Людмилою; мы знаемъ тоже, что послѣ преставленія св. Меѳодія, латинствующіе епископы, иѣмцы, разогнали его учениковъ, истребили вездѣ, гдѣ могли, славянскія книги и готовили свой римскій расколъ. Святую княгиню чешскую Людмилу замучили. Внука ея, св. князя чешскаго Вячеслава, тоже извели мученическою смертію, однако еще 200 лѣтъ не могли сладить съ православными славянами. Только черезъ школы латинскія, лжеученіе и иѣмецкіе законы, да призывомъ множества иностранныхъ купцовъ и рыцарей, ксендзы совратили наконецъ и королей и знатныхъ людей въ расколъ.

Все таки долго въ простомъ народѣ, между бѣдными людьми, особенно въ селахъ, помнили чехи свою старую вѣру—припоминали службу божественную на славянскомъ языкѣ и причащеніе св. таинъ по православному. Латиняне, какъ извѣстно, даютъ причастіе въ видѣ облатки мірянамъ; дѣтямъ же совсѣмъ не даютъ, такъ что многіе младенцы умираютъ, не причастившись никогда. И такъ продолжалось цѣлое столѣтіе.

Но, во время св. Θεодора Острожскаго, ученые люди, знающіе богословскую науку, стали удостовѣряться, что римскій папа и его ксендзы перешли въ явный расколъ, а люди

простые, неученые догадывались, что запрещеніе принимать тѣло и кровь Спасителя подъ видомъ хлѣба и вина, какъ Онъ самъ установилъ на тайной вечери, и запрещеніе совершать литургію на родномъ языкѣ, конечно не христіанскія правила, а придуманы просто изъ за чьего нибудь удобства. Особенно англичане и чехи этимъ смущались, но не знали, какъ выйти изъ сомнѣнія.

Чехи только смутно помнили о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ и объ родномъ богослуженіи, но не знали, гдѣ найти книги и преданія объ нихъ. Нѣкоторые изъ нихъ и отправились въ Литву, гдѣ они слышали, что есть церкви, въ которыхъ служатъ по славянски; а нѣкоторые, наслышавшись о добромъ привѣтѣ Острожскаго князя и объ его благочестіи, пришли на Волынь, проповѣдую, по всему пути своему, противъ лжеученія ксендзовъ и совѣтуя полякамъ и русскимъ остерегаться ихъ. Поляки, разумѣется, ихъ не слушали, но князь Ѳеодоръ напротивъ принялъ ихъ радушно, и горѣло молодое сердце его, слушая, какъ они сказывали о пробужденіи своего народа къ истинѣ, о томъ, какъ они отрываются отъ раскола и хотятъ присоединиться къ православной Церкви. Говорили они, какъ въ столицѣ чеховъ, Прагѣ, все переѣнилось: не ходили слушать уроки нѣмецкихъ профессоровъ въ университетѣ, не слушали бесѣды ксендзовъ; но, въ университетѣ, студенты съ усердіемъ слушали лекціи, а въ церкви народъ слушалъ проповѣдь, молодаго священника преподавателя Іоанна Гусса, возстававшаго открыто противъ злоупотребленій и лжеученія римской Церкви.

Самъ Гуссъ былъ сынъ крестьянина, изъ деревни Гусинецъ, воспитанный въ простотѣ вѣры и старыхъ преданій сельскихъ; бѣдный, безъ связей, безъ поддержки, онъ пробивался только терпѣніемъ, трудомъ и благоправіемъ, не давая заглухнуть своимъ способностямъ, ни угаснуть своей любви къ наукѣ, среди черной работы у одного пражскаго учителя, у котораго нанялся въ служители, ради квартиры, стола и пользованія книгами для обученія. Тихій, терпѣливый, исполненный любви и кротости, съ чистой совѣстью, съ ясными думами, какимъ пришелъ онъ мальчикомъ съ своею

матерью изъ роднаго села, такимъ остался до конца Юаннъ Гуссъ. Въ университетѣ онъ вполнѣ отдался наукѣ богословія, и такъ изучилъ ее глубоко, что сдѣлался знаменитымъ профессоромъ и былъ выбранъ ректоромъ; въ то же время онъ былъ посвященъ и поставленъ ксендзомъ въ каплицу, называемую Внѣлеемской, въ Прагѣ. Но Гуссъ не былъ такимъ, какъ требовали латинскіе епископы: онъ не былъ ксендзомъ, преданнымъ не Церкви Божіей, а римскому престолу папы. Онъ былъ священникъ, іерей Христовой Церкви, глубоко проникнутый величіемъ, святостію и отвѣтственностію этого сана и неутомимо трудился надъ распространеніемъ ученія Христова и надъ обличеніемъ пороковъ и злыхъ обычаевъ его слушателей. Онъ требовалъ возвращенія къ прежнему богослуженію славянскому и причащенію св. тинъ подъ обоими видами и для всѣхъ возрастовъ, не исключая младенцевъ, о которыхъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «Не возбраняйте дѣтямъ приходить ко Миѣ (Матѣ. 19, 14)». Онъ требовалъ всего, что сами папы римскіе одобрили при св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, когда еще принадлежали сами къ вселенской Церкви. Но въ это время между латинянами былъ раздоръ, грѣхъ и соблазнъ. Два папы-соперники проклинали другъ друга и неистовствовали въ церковномъ междоусобіи, но согласны были только въ одномъ, чтобы осудить его справедливыя требованія и христіанское ученіе, какъ ересь. Тогда началось открытое преслѣдованіе его и его ученія духовенствомъ и гоненіе горожанами и смуты въ Прагѣ. Король Вячеславъ просилъ за него папу, и королева Софія выбрала его своимъ духовникомъ и поддерживала его, но латиняне не слушались ихъ. Тогда Гуссъ сталъ искать истины въ Церкви восточной православной, къ которой стремился, но которую мало знали чехи, потому что они были отдѣлены мадьярами и латинянами отъ сербовъ, и поляками-латинянами отъ русскихъ.

Все это рассказывали странники святому князю Острожскому; хотя онъ и радовался этимъ новымъ единовѣрцамъ и принималъ ихъ съ радостіемъ, онъ однако крѣпко задумывался, слушая ихъ вѣсти о томъ, какъ ловко и искусно монахи латинскіе истребляли даже память о книгахъ и уче-

ніи св. Кирилла и Меѳодія; чуютъ онѣ бѣду для своей Волини, если не остановятъ ихъ продѣлки на Литвѣ; и далѣ св. Ѳеодоръ въ душѣ своей обѣтъ передъ Богомъ: всегда и вездѣ, гдѣ ни пошлетъ Господь ему случай, защищать и поддерживать всѣхъ, кто станетъ за Церковь православную противъ раскола римскаго.

Все болѣе и болѣе трудился и старался о своемъ княжествѣ и о своихъ подданныхъ молодой князь, готовя все ко времени, когда придется и ему проливать кровь свою за Церковь Божію и святую Русь, какъ отецъ его. Онѣ это предвидѣлъ, потому что великій князь литовскій Ягайло, женившись на польской королевѣ Ядвига, перешелъ въ римскій расколъ. Вся кіевская Русь, гдѣ находилась и Волинь, признавала тогда верховную власть литовскаго князя, *а отнюдь не Польши*, да еще съ тѣмъ, чтобы русскимъ быть равными и вольными и свою православную Церковь никому ни подчинять. Но Ягайла подстрекали ксендзы и поляки, чтобы онѣ соединилъ навсегда Литву съ Польшей и поставилъ литовцевъ идти въ свой расколъ. Намѣстникомъ своимъ, для управленія Литвою, онѣ назначилъ славнаго и сильнаго двоюроднаго брата своего, Витовта, который тоже принялъ латинство. Святой князь Ѳеодоръ зналъ, что современемъ доберутся и до русскихъ, и онѣ, и другіе русскіе князья, не приняли этого присоединенія и объявили, что если такъ, то они выберутъ особаго великаго князя для Литвы, именно брата Ягайла, *Свидригайла*, сына русской княжны, (1) вѣрнаго православію. Но какъ только узнали про это, Витовтъ схватилъ Свидригайла и посадилъ его въ цѣпяхъ въ неприступный замокъ Кременецъ.

Мы и теперь видимъ развалины его, и можно судить, какая это была сильная крѣпость, по тогдашнему: ее одну, изъ всѣхъ русскихъ крѣпостей, никогда не могли взять татары. Стоятъ и теперь стѣны этого замка, на высокой, каменной горѣ, куда и одному человѣку пѣшкомъ даже трудно взойти, а подняться на нее цѣлому отряду съ пушками и лошадьми и осадными орудіями, было невозможно, тѣмъ бо-

(1) Марія, княжна витебской.

лѣе, что съ высокихъ стѣнъ стрѣляли раскаленными ядрами и осыпали картечью всякаго, кто хотѣлъ приступить.

Туда посадили Свидригайла, отдавъ его подъ надзоръ коменданта, а комендантомъ, (или какъ звали тогда старостю), назначили нарочно поляка, да еще изъ нѣмецкой фамилии, Конрада Франкельберга.

Въ Польшѣ ужъ давно было такое правило, что въ рыцарство ихъ (по нашему дворянство) поступать могли всякіе иностранцы, и имъ давались земли и льготы, и прикрѣплялись крестьяне въ полное владѣніе; приходило такихъ выходцевъ много; всѣ они были латинской вѣры, и хотя назывались поляками, они однако, какъ чужестранцы, только о своей пользѣ думали и скоро стали считать только себя и рыцарство народомъ польскимъ, а простой народъ называли *быдломъ*, говоря, что это не люди, а рабочій скотъ. Православную вѣру они терпѣть не могли и называли ее, грѣхъ сказать!—«псина вѣра», т. е. «вѣра собачья». Короли имъ мирволили, и вотъ изъ этого-то разнаго сброду разумѣется вышло не настоящій славянскій народъ, а буйное скопище храбрыхъ, но отчаянныхъ людей, которые управляли всѣмъ, не слушались королей, и извѣстны подъ именемъ *пановъ*, или польскаго *шляхетства*: *рыцки посполиты*. Они вѣстѣ съ ксендзами, съ которыми они держались за одно, всячески старались совратить православныхъ князей, бояръ и народъ, а тѣхъ, кто не хотѣлъ приставать къ нимъ, преслѣдовали, мучили и убивали. Продолжалось это дѣлыхъ 400 лѣтъ, а началось именно плѣномъ Свидригайла. Спасибо русскимъ царямъ, и особенно нашему благочестивому Государю Александру Николаевичу, освободившему русскій народъ: паны польскіе безвредны теперь и такіе же простые помѣщики, какъ и всѣ русскіе.

Изъ этихъ пришельцевъ-рыцарей, латинствующихъ, былъ староста кременецкій, Конрадъ Франкельбергъ, и около десяти лѣтъ держалъ онъ въ цѣпяхъ, такъ сказать въ когтяхъ своихъ, князя литовскаго. Свидригайло, самъ по себѣ, былъ не далекій человекъ, очень вѣтренный, а тутъ, въ плѣну, пріучился сверхъ того пьянствовать съ рыцарями, составляющими гарнизонъ крѣпости и единственное общество моло-